Нечаева Н.Е.

ДВА МАЛОИЗВЕСТНЫХ ВИДЕНИЯ В НИЖЕГОРОДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ХУП ВЕКА

Видения как литературная форма выражения и представления политических и религиозных идей принадлежит к числу традиционных и наиболее распространенных жанров древнерусской литературы.[I] Видение, как любые другие литературные жанры, связано с мировоззрением автора, с социально-эстетическими задачами своего времени. Благодаря своей популярности у древнерусских книжников, жанр видения отличается особой разработанностью и устойчивостью сюжетных мотивов.

Являясь художественно-публицистическим жанром, откликавшимся на актуальные вопросы общественно-политической жизни, видение широко распространяется в ХУП веке. "Повесть о видении некоему мужу духовну", "Нижегородское видение", "Владимирское видение" - памятники, связанные с событиями "смутного времени", с решением проблем власти, государственности, мира и защиты от разорения. К середине ХУП века традиционный жанр политического видения получил определенную трансформацию, что связано со сменой общественных настроений. В нижегородской литературе этого периода мы находим два интересных памятника, в которых отразились идейные искания раннего старообрядчества. Это - "Сказание о Палецкой иконе" и "Повесть трепетна и ужаса исполнена" ("Повесть о видении некоему крестьянину села Бор").

"Сказание о Палецкой иконе" известно в трех списках - двух конца ХУП века (ГБЛ, ф.310, собр.Ундольского, № 398, лл.I06-II0 об.; ГПБ, Солов.собр., № 990/I099, лл.246-250 об.) и рукописи середины XIX века (ГБЛ, ф.29, собр.Беляева, № 67, лл.24-25 об.). Во всех списках "Сказания" повествуется о событиях I641 года - перенесении иконы Божьей Матери Страстной из Нижнего Новгорода в село Палец Нижегородского уезда, "вотчину царева сигклита Бори-

са Лыкова", где от иконы происходят чудеса исцеления, и строительстве деревянной Палецкой Одигитриевской церкви. Затем икона переносится в Москву. Упоминание царя Алексея Михайловича, "святейшего патриарха" Иосифа и свидетельство об основании Страстного девичьего монастыря в Москве позволяют отнести время составления текста к нач. 50-х гг. ХУП в.[2] Подтверждением этому может служить и рассказ о чудесах исцеления от иконы, происходивших в Девичьем монастыре, что характерно для первых лет существования храма.

Яркой особенностью казалось бы традиционного сказания об иконе является то, что исторический сюжет обрамляет местная палецкая легенда о "жене неверующей Екатерине", составленная в совсем ином жанре и отражающая особые религиозные установки автора. Композиционно "Сказание" отчетливо делится на две части, обладающие самостоятельными жанровыми признаками: видение и сказание о чудотворной иконе. Первая часть, повествующая о греховной жизни Екатерины, наиболее близка классической форме религиозного видения: отступление от норм религиозной морали, нарушение "закона" - наказание - видение, предсказывающее возможный путь исцеления - избавление. Эта часть "Сказания"сохраняет традиционные мотивы и структурные элементы сюжета.

На Екатерину, "тайнозрителя" видения,[3] жившую счастливо с законным мужем, "...нападе нечистый дух и нача мучити ю". "Тленные врачи мира сего" не смогли исцелить ее. Тогда Екатерина в молитвах обещает Богородице "во иноческий образ постричися" ради исцеления и "мало облегчися от нападения бесовского". Но вскоре "забы обещание свое и нача с мужем своим плотски жити и дети рождати и о суетном житии мира сего пещися". Таков грех Екатерины.
Затем ей троекратно является Богородица под видом "светлообразней жены". Екатерина"бысть во ужасе велице", "ум ея помутеся и зрак от очию померче"- она впадает в состояние, близкое сну, ее общение с Богородицей носит мистический, ирреальный оттенок.

Богородица призывает Екатерину оставить семью, вести аскетический образ жизни, заниматься миссионерской деятельностью, и только в этом она сможет найти свое душевное исцеление. Причем такой "призыв" не только словесный - Богородица "утыкает" Екатерину "в ланиты" и тем физически понуждает ее идти в мир, проповедовать, не стыдясь "дряхлости своея". Богородица сама же проясняет Екатерине смысл откровения - неблагочестивая жизнь людей ведет к греховности всего мира и неотвратимости наказания, "уже бо преходит житие мира сего". Екатерина должна возвестить народу об откровении, "дабы в мире от гнева и от зависти, и пианства, и от блуда, и от всяких мирских дел воздержалися, и друг друга нелицемерною любовию любили", чтобы церковные праздники, "среду и пяток" "в чистоте и в целомудрии разумы препровождали". Екатерина исцеляется от "дряхлования", совершив паломничество в Нижний Новгород "ко иконописцу Григорию" и перенеся его икону Божией Матери Страстной из Нижнего Новгорода в родное село Палец.

Рассматриваемая часть "Сказания" - видение Екатерине - лишена риторических, "украшенных" отступлений, вся она носит назидательный, религиозно-дидактический характер. Подобные повести, по справедливому замечанию Н.С.Демковой, составлялись "в той среде консервативных книжников из духовенства, которая занимается созданием массовой литературной продукции в век "перехода", прежде всего - созданием дидактических сюжетных повестей и новых дидактических редакций".[4] Дидактизм выступал своеобразным антагонистом демократизму в ХУП в. Чем более свободным от религиозных канонов становился сюжет демократических повестей - "Повесть о Савве Грудцыне", "Сказание о молодце и девице", "Повесть о Ерше Ершовиче", "Сказание о попе Савве"и др. - тем жестче, педантичнее соблюдался этикет духовной повести, тем сильнее выступала ее теологическая окраска, тем более традиционную, консервативную форму избирал древнерусский книжник для своего повествования.

Ключевский В.О. подчеркивал, что "видение обыкновенно резкая обличительная проповедь с таинственной обстановкой, вызванная ожиданием или наступлением общественной беды, призывающая общество к покаянию и очищению, плод встревоженного чувства и набожно возбужденного воображения".[5] Анализируемый текст принадлежит к той большой группе видений, которые отражают проблемы, возникшие в сфере религиозной идеологии к середине ХУП в. В нем нашли отражение идеи "ревнительства", "оцерковления" жизни, явившиеся следствием внутренней государственной и церковной политики царя Алексея Михайловича и результатом действий различных религиозных течений первой трети ХУП в., подтачивающих единство церкви и оттеняющих различные социальные недовольства. Возникающие противоречия между светской жизнью и религиозным служением Богу, между греховным бытием и духовным жестоко изменили судьбу героини повести Екатерины. Она была вынуждена оставить семью, "мир" и искать спасения от житейской скверны в служении Богу и проповеди культовых святынь церкви. Пройдет немного времени и это противоречие между светским и церковным выльется в критику "нового жития" и нововведений официальной церкви, в непримиримую оппозицию старообрядческого движения новым церковным доктринам. Наиболее полное развитие эти идеи получат в "Житии" Аввакума.

Церковные реформы начала 50-х гг. положили начало процессам постепенного подчинения российской церкви власти царя. Это чутко подметил автор повести, как и то, что авторитет церкви падал и народ уже не соблюдал богобоязненно ее праздников и обрядов. Неслучайно в тексте "Сказания" обнаруживается почти дословная цитата из популярного в ХУП в. "Сказания о неделе" ("Эпистолии о неделе"), требовавшего соблюдать двунадесятые праздники, постом чтить среду и пятницу. Нарушение норм христианской нравственности должно быть наказуемо - Екатерина впадает в тяжкий недуг,

избавлением от которого может служить лишь жесткая аскеза. В "Сказании" проводиться мысль о влиянии грехов человеческих на греховность мира в целом; мир несовершенен, потому что он греховен, близок конец его, потому что люди попали под власть дьявола. Интересно, что в "Сказании о Палецкой иконе", составленном в 50-х гг., прослеживаются зачатки эсхатологических учений и "антихристовой" идеологии, получивших развитие в более поздний период в старообрядческой среде.

Очевидно, своей первой части - видению - "Сказание о Палецкой иконе" обязано включением в "Звезду пресветлую" - сборник религиозно-назидательных легенд о вечной борьбе дьявола и бога за человека. Однако, "Сказание"не абстрактно повествует о борьбе добра и зла в душе и поступках человека, оно изображает узнаваемую реальность, и эта конкретность состоит не только в точности имен и названии, но в особой идейной направленности, в связи с российскими церковными проблемами.

"Повесть трепетна и ужаса исполнена" ("Повесть о видении некоему крестьянину села Бор"), другой нижегородский памятник, отразивший отдельные аспекты общественного сознания, духовной культуры и идеологии раннего старообрядчества, представлена списком второй половины ХУП в. (ГБЛ, ф.138. Костромское собр., № 65, лл. 304-308 об.). В литературном отношении "Повесть" интересна своей близостью к старообрядческой публицистике. Жанр "Повести" вынесен в заглавие и определен как "духовное" видение. События, описываемые в тексте, отнесены автором к 1669 г. В селе Бор, что "за три поприща"от Нижнего Новгорода, жил поп Никита, который "понуждаше християн треми персты креститися, а причетником в церкви повелеваше аллилуя четверичную..., и ко Исусову имени странныя литера прилагаше". Народ "много пряхуся с ним". Очевидно, среди борских крестьян назревали определенные социальные недовольства, вызванные не только ритуальными новшествами попа Никиты, религиозным давлением со стороны церкви, но экономическими причинами -

закрепощением монастырских крестьян и расширением церковного землевладения за счет крестьянских наделов. За отступления от истинной веры поп Никита "в недуг зол" впал. В это время крестьянину "млатобийцу" Козьме, ревностному защитнику старой веры, было во сне видение. Ему представилось, будто он "внезапу обретохося во храмине попа того" и увидел рядом с попом "мужа белообразна". Козьма тихонько встает позади этого мужа и видит, как в храмину влетают еще четыре крылатых мужа и начинают мучить попа Никиту. Удивленный Козьма спрашивает "белообразного", "почто сего мучите напрасно". Тот отвечает, что мучают попа за нововведения в церковной службе. Тогда Козьма спешит в церковь и молится за попа. Внезапно Козьма пробуждается и "ужасохся видению сему". Желая проверить истинность своего видения, Козьма отправляется в дом к Никите и застает попа в тяжкой болезни. Через некоторое время Козьме было видение. Чей-то голос приказывает ему идти к "беспастырю своему, отныне бо смертию умре вечною". Придя к попу, Козьма застает его уже мертвым, и ему показалось, что поп умер от мучений - был он весь искалечен, "иже его бияху". Видения Козьмы записываются, а в конце "Повести" дается учительное наставление: "И аще тако же и мы будем мудрствовати, не закоснит и нам господь бог воздати, яко же и сему, и прежде его бывших".

Сюжет повести действительно "трепетен и ужаса исполнен" и несет в себе ярко выраженную антиниконовскую направленность. Элементы видения выполняют в ней публицистическую функцию: во сне Козьмы поднимаются теологические вопросы истинной и ложной веры, связи внешнего ритуала с внутренней сутью христианской религии; судьба Никиты иллюстрирует божественную кару за отход от "старой" истинной веры. Перед нами своеобразное использование видения как литературного приема, который вводит элементы занимательности в повествование и одновременно облегчает достижение цели - убеждение и обличение. Хотя в повести нашли отражение и социальные мо-

тивы недовольства крестьян, но не они привлекли внимание автора. Церковник -традиционалист, прекрасно разбирающийся в религиозной догматике и атрибутике, он озабочен частными вопросами христианского культа, его критика не затрагивает официальную государственную церковь. "Повесть трепетна" помещена в сборнике рядом со "Сказанием о страдальцах соловецких". И если во втором памятнике соловецкие старцы совершают духовный подвиг, выдержав осаду монастыря правительственными войсками и тем самым доказав непоколебимость своих религиозных убеждений, то в "Повести" проблема истинной веры решается "свыше", а крестьянин Козьма лишь свидетельствует о божьем суде.

Несомненно, "Сказание о Палецкой иконе" и "Повесть трепетна и ужаса исполнена" отразили два последовательных этапа оформления и развития старообрядческой идеологии в одном из наиболее ярких и исторически значимых ее центрах - нижегородском. От недовольства процессами обмирщения жизни рождается антицерковное движение "за старую веру" в среде посадского люда и низшего духовенства. Это движение берет начало еще в 30-х гг. ХУП в. и в дальнейшем существует независимо от официальной внутрицерковной оппозиции патриарху Никону. Оно явилось выражением народного понимания идеологического и социально-политического кризиса феодального строя в эпоху его разрушения.[6] Поэтому актуальность изучения текстов, создававшихся и бытовавших в старообрядческой среде, определяется значительным влиянием антицерковных движений ХУП в. на последующее политическое и культурное развитие российского государства.

Старообрядческая литература наполнила новым, злободневным содержанием традиционные литературные жанры. Религиозное видение сближается с публицистикой, выступая в функциях иллюстрации и назидания в острой идеологической полемике. Консервативная форма приобретает оттенок художественного приема, который используется автором для выражения своих устремлений в прошлое, "старое",

"истинное". Два представленных нижегородских видения , несомненно, найдут свое место в ряду других ранних сочинений писателей-старообрядцев, а их дальнейшее исследование может дать интересные сведения по идеологии и литературной деятельности нижегородского старообрядческого центра.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ.

I. Прокофьев Н.И. Видение как жанр в древнерусской литературе // Вопросы стиля художественной литературы: Ученые записки МГПИ им. В.И.Ленина. - М., 1963. - Т.231.

2. Зверинский В.В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи с библ. указателем. Т.I: Преобразование старых, учреждение новых монастырей с 1764/65 по I июля 1890 г. - СПб., 1890. - С.347.
Амвросий. История Российской иерархии. - М., 1822. - Т.6. - С.331.

3. Прокофьев Н.И. Указ. соч., с.40.

4. Демкова Н.С. Принципы сюжетной организации текста в повествовательной литературе ХУП века // Вопросы сюжета и композиции. - Горький, 1984. - С.40.

5. Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. - М., 1871. - С.392.

6. Румянцева В.С. Народное антицерковное движение в России в ХУП в. - М., 1986.